

5 . Советская модель экономики и советская экономическая наука

В прошлые, ещё не столь отдалённые времена принято было говорить, что советская наука прошла чуть ли не героический путь и достигла небывалых высот. О науках технических или науках о природе я не говорю. Пусть скажут специалисты. Но о советском общественном образовании, и особенно о советской экономической науке, сказать могу с полным правом.

Научная деятельность – тоже интеллигентское занятие и поэтому отношение большевиков к интеллигенции во многом определяло и отношение к науке, к учёным. Ленин, как известно, не уважал и не любил интеллигенцию. В сентябре 1919 года в своём письме к М.Горькому он охарактеризовал российских интеллигентов, «как интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно»¹. Он инициировал жестокие репрессии против бывших дворян, помещиков, офицеров, адвокатов, учёных, служителей культа, врагами были объявлены практически все основные круги интеллигенции, против них строились первые концентрационные лагеря.

В статье «Как организовать соревнование», опубликованной ещё в 1918 г., В.Ленин выдвинул цель «очистки земли российской от всяких вредных насекомых»². Многие учёные рассматривались в числе последних. В 1922 г. страну покинуло около 2 млн. человек, среди них было много видных, талантливых учёных, в том числе и экономистов. То были первые поистине окаянные дни для русской интеллигенции и науки.

Особенно не любил Ильич экономистов и философов. Ещё до октябрьского переворота он безапелляционно заявлял, что «в общем и целом профессора-экономисты не что иное, как учёные – приказчики класса капиталистов, и профессора философии – учёные приказчики теологов»³.

В годы НЭПа и до 1927 г. наступил перерыв в репрессиях и за короткое время в экономической науке произошёл взлёт творческого духа. Появились оригинальные исследования таких экономистов, как Н.Кондратьев, В.Новожилов, Л.Юровский, А.Вайнштейн и др. Однако уже осенью 1927 г. все они стали рассматриваться как вредители и враги советской власти.

Но в 1924-1928 гг. в стране шла дискуссия о дальнейших путях развития экономики СССР. В ней приняли участие как учёные-экономисты, так и практики-плановики и финансисты, представители партийной номенклатуры. Спор шёл о накоплении и стратегии индустриализации страны. За дискуссией внимательно следил И.Сталин, готовившийся стать полновластным хозяином страны.

В этой экономической дискуссии советские экономисты разделились на два лагеря – генетиков и телеологов. Генетики выступали за последовательное развитие экономики страны в соответствии с имеющимся мировым опытом, а именно: начать с сельского хозяйства и добывающей промышленности, накопить капитал, затем перейти к приоритетному развитию группы Б промышленности, особенно промтоваров народного потребления, и лишь потом, опять накопив соответствующие ресурсы, приняться за ускоренное развитие тяжёлой промышленности, или группы А промышленности. Они считали, что генетически только на такой здоровой основе промышленность может эффективно и сбалансированно развиваться. Подобной позиции придерживались Н.Бухарин, Л.Шанин, В.Базаров, В.Громан, Н.Кондратьев, А.Чаянов, П.Попов и др.

Эта группа экономистов исходила из условий свободного рынка, умеренных темпов роста промышленности, поддержки сельского хозяйства, функционирующего на основе частной собственности, необходимости всемерного развития экспорта сельскохозяйственной продукции. Всё это должно было создать накопление для последующего развития тяжёлой промышленности. По существу такая позиция логично вытекала из продолжения НЭПа и строилась на идее сбалансированного роста разных отраслей народного хозяйства и, прежде

¹ В.Ленин. ПСС. Т. 51, с. 48.

² В.Ленин. ПСС. Т. 35, с. 204.

³ В.Ленин. ПСС. Изд.5-е. Т. 18, с. 364.

всего, промышленности и сельского хозяйства. По мнению сторонников такого подхода, планирование должно было учитывать все эти врождённые (генетические) черты экономики.

«Неортодоксальные генетики» не отбрасывали идею планирования и выступали за «сочетание товарного рынка и планового хозяйства» (В.Базаров). Только на этом пути, считал В.Базаров, можно достичь «законченного планового хозяйства», которое продолжает «непосредственное общественное управление всеми сторонами общественного производства и распределения». Генетики полагали, что, хотя социализм и «несовместим с товарным рынком», реальный путь к нему немислим вне рыночных отношений в экономике⁴.

Телеологи же, наоборот, исходили не из врождённых, или внутренних черт экономики, а делали упор на внешне задаваемый субъективный фактор, на руководящую волю верхов, исходящую из желания создать новое, якобы справедливое, общество путём искусственного обеспечения сверхвысоких темпов экономического роста, решительной ломки ранее сложившихся пропорций, а главное, из всемерного развития тяжёлой промышленности за счёт сельского хозяйства и крестьянства.

Такой позиции придерживались Л.Троцкий, Е.Преображенский, Н.Вознесенский, С.Струмилин. Они рассчитывали на мощное государственное вмешательство в экономику, всячески критиковали мировой опыт и генетиков, и в своих оценках отличались чрезмерным оптимизмом. Их критика часто носила весьма резкий характер и содержала политические обвинения в адрес своих оппонентов, якобы недооценивающих преимущество централизованного планирования и вообще нового общественного строя, создаваемого в стране. Они считали (как Маркс и Ленин), что сельское хозяйство – это мелкобуржуазная среда, которая рождает только капитализм, и поэтому должно быть кардинально преобразовано в интересах строительства социализма и индустриализации страны. Промышленность же сама создаёт себе рынок, а рост тяжёлой промышленности влечёт за собой рост лёгкой промышленности и сельского хозяйства. И Советскому Союзу совсем не обязательно повторять все фазы последовательной индустриализации, которые проходили в разное время разные капиталистические страны.

Борьба между генетиками и телеологами резко обострилась в процессе подготовки первого пятилетнего плана (1926-1927 гг.) Второй промежуточный вариант этого плана в 1927 г. вызвал бурную дискуссию. Представители Наркомфина СССР и Наркомзема РСФСР, где были представлены генетики, выступили против сверхиндустриализации, не подкреплённой реальными ресурсами, и, наоборот, предлагали увеличить капвложения в сельское хозяйство. В.Базаров указывал на заложенную в плане диспропорцию между городом и деревней в пользу города. Анализируя план, Н.Д.Кондратьев подчёркивал, что за «балансной внешностью» в нём скрывается внутренняя несбалансированность и несоответствие выдвинутым критериям бескризисного развития, максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся и т.д. Он писал: «Между проектируемой динамикой продукции, потребления, накопления, экспорта и т.д., нет необходимой согласованности... рост одних из перечисленных элементов делает невозможным принятый рост других»⁵. Так, предполагаемые размеры накопления не стыкуются с приводимыми данными о росте национального дохода и потребления, балансы производства, потребления и экспорта сельскохозяйственных продуктов не сходятся между собой.

Попытка осуществления подобной программы, не подкреплённой необходимыми накоплениями, в том числе и за счёт доходов от экспорта сельскохозяйственной продукции, считал Н.Кондратьев, приведёт к серьёзным хозяйственным затруднениям, срыву запланированной реконструкции народного хозяйства. В качестве одной из важнейших причин внутренней несбалансированности плана, его нереальности он выделил диспропорцию между запланированным темпом роста промышленности и сельского хозяйства при недооценке роли последнего. По его мнению, лишь ускорение развития сельского хозяйства посредством его механизации и интенсификации при соответствующем увеличении финансирования этой отрасли и правильной политике цен может дать реальную основу для индустриализации и дальнейшего экономического роста страны.

Резко отрицательная оценка проекта первой пятилетки была дана и в официальном заключении Наркомата Земледелия РСФСР. В нём обращалось внимание на необходимость учёта возможностей стихийного развития народного хозяйства. В отношении сельскохозяйственного раздела плана Наркомзем подчеркнул, что «считает совершенно недопустимым... составление (перспективного плана – В.К.) в виде простых табличных расчётов

⁴ См.: Н.Д.Кондратьев. Особое мнение. Кн. 2. М., Наука, 1993. С. 461.

⁵ Плановое хозяйство № 4, 1927, с. 32, 33.

(то есть числовых предсказаний), не вытекающих из соответствующего экономического обоснования...» (ЦГАНХ СССР. Ф.4372. Оп.10. Ед.хр.449, Л.155). Указав на ошибки в расчётах перспектив развития сельского хозяйства и на необходимость усиления финансирования этой отрасли, он констатировал, что «не может согласиться ... с принятием этого проекта как директивы».

В постановлении съезда плановых органов (март 1927 г.) было указано, что проект первого пятилетнего плана требует доработки. Предполагалось, в частности, обратить внимание на обеспечение более высоких темпов роста сельского хозяйства, повышение эффективности капитальных затрат, а также дополнить план новым разделом по социально-культурным вопросам. Ясно, что ничего этого сделано не было. Руководство страны и партия принимали политическое решение о форсированной индустриализации за счёт сельского хозяйства и об уничтожении последних остатков буржуазии для построения счастливого социалистического завтра для замордованного и жестоко сортируемого советского народа.

Как уже говорилось, Сталин внимательно следил за всеми этими дискуссиями и их идейный ресурс использовал для окончательного выбора своей линии. Ясно, что выбор этот находился в русле теологов, что отвечало интересам укрепления его личной власти, а также политическим амбициям по скорейшему созданию мощного (самого прогрессивного в мире, как тогда считалось) общественного строя и адекватной ему нерыночной СМЭ. В отличие от теологов, линия Сталина была, конечно, намного грубее, экстремальнее, так сказать р-революционнее.

Конец 20-х – начало 30-х годов связаны с громкими специально организованными процессами, направленными на разгром потенциальной оппозиции, малейшего инакомыслия в среде старой интеллигенции. Вслед за печально известным Шахтинским делом (1928 г.) и процессом Промпартии (1930 г.), когда были осуждены многие инженеры, руководители производства, как якобы вредители, возникли «дела» и процессы, затронувшие напрямую научную жизнь страны. В 1931 году состоялся «Процесс контрреволюционной организации меньшевиков», который прекратил научную деятельность таких крупных учёных-экономистов, как В.Громан и А.Финн-Енотаевский⁶. В 1930 г. возникло «дело Трудовой крестьянской партии» – четвёртая на рубеже 20-30-х годов сталинская провокация в целях дискредитации и уничтожения критически настроенных к режиму и поэтому неугодных специалистов. На этот раз речь пошла об учёных-экономистах. Эти экономисты выступали за всемерное развитие индивидуальных крестьянских хозяйств, против насильственной коллективизации. И ещё одно: ведь, как и многим крупным инженерам («буржуазным спецам»), многим учёным-экономистам не нравились ни РСДРП(б), ни ВКП(б), ни созданный ими тоталитарный режим как при Ленине, так и при Сталине. К тому же вскоре, а именно в 1932 г. наступил голод как прямой результат коллективизации, так и не менее преступной политики, направленной на ограничение снабжения сельского населения продовольствием.

По этому поводу А.Солженицын пишет: «Вслед за процессом Промышленной партии готовился в 1931 г. грандиозный процесс Трудовой Крестьянской партии – якобы (никогда не!) существовавшей огромной подпольной организационной силы из сельской интеллигенции, из деятелей потребительской и сельскохозяйственной кооперации и развитой верхушки крестьянства, готовившей свержение диктатуры пролетариата. На процессе Промпартии эту ТКП уже поминали как прихваченную, как хорошо известную. Следственный аппарат ГПУ работал безотказно: уже тысячи обвиняемых полностью согласились в принадлежности к ТКП и в своих преступных целях. А всего было обещано «членов» – двести тысяч. «Во главе» партии значились экономист-аграрник Александр Васильевич Чаянов, будущий «премьер-министр» Н.Д.Кондратьев; Л.Н.Юровский; Макаров; Алексей Дояренко, профессор из Тимирязевки, — будущий «министр сельского хозяйства» ... И вдруг в одну прекрасную ночь Сталин передумал – почему, мы этого, может быть, никогда не узнаем. Захотел он душеньку отмаливать? – Так рано... А вот что скорей: прикинул он, что скоро вся деревня и так будет от голода вымирать, и не двести тысяч, так нечего и трудиться. И вот была отменена вся ТКП»⁷.

Однако многих ведущих учёных-экономистов в результате разгромного процесса по «делу ТКП» приговорили к разным мерам наказания (отсидка в тюрьмах и лагерях), а пять человек из «руководящего ядра» в 1937 г. были расстреляны (Н.Д.Кондратьев, Л.Н.Литошенко, А.В.Тейтель, А.В.Чаянов и Л.Н.Юровский).

Здесь важно отметить, что процесс по «делу ТКП» помимо прочего стал ещё и сигналом для дикой политической травли настоящих учёных-экономистов, в которой приняли

⁶ См. Встреча с историей. Вып. 3. М., «Молодая гвардия», 1990.

⁷ См. Новый мир № 8, 1989, с. 34.

участие и их коллеги. Формировались новые советские мораль и этика, ставшие потом типичными для всей советской науки. Одним из первых сигналов к этой травле стала статья в журнале «Большевик», опубликованная в конце 1930 г. В ней радостно сообщалось, что «группа буржуазных и мелкобуржуазных учёных в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Чаянова, Челинцева и др., с которыми блокировались Громан, Суханов, Базаров и др., олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономики. Это «последние могикане» буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса. В настоящее время вся эта группа разоблачена как руководящая верхушка контрреволюционной, вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти, восстановление буржуазно-помещичьего строя»⁸.

Некто И.Верминичев дает даже «научное» определение «кондратьевщины». Вот оно: «Кондратьевщина» – это вылупившееся из народничества, объединившееся затем со всеми буржуазными экономистами учение о капиталистически-фермерском развитии нашего сельского хозяйства. Это учение, базирующееся на мелкобуржуазном строе нашего сельского хозяйства, рождающем капитализм непрерывно, имеет объективные корни для своего существования, и в этом опасность его, ибо оно непосредственно вступает в борьбу с пролетарским марксистско-ленинским учением об иной генеральной линии развития сельского хозяйства СССР – линии на социалистическое его переустройство и уничтожение в конечном счёте классов»⁹.

С восторгом людоеда при виде своей слабой жертвы другой некто, В.Милютин, в «труде» под названием «Буржуазные последыши» в те же годы писал следующее: «На самом деле это были провокаторы и агенты капитализма, которые в своей работе начисто срывали, дезорганизовывали, портили и губили работу, которую вели советская власть и вся страна. Подтасовывались цифровые данные, составлялись неверные планы с неверными техническими расчётами, организовывался срыв этих планов. Так делал Громан, сидя в Госплане и ЦСУ, так делали Чаянов и Макаров, сидя в Наркомземе, так делал Юровский, сидя в Наркомфине, так делал Кондратьев, работая в ряде учреждений, и т.д. и т.п.»¹⁰. Ему вторил М.Карев в «труде» «Теория и практика вредительства в перспективном планировании сельского хозяйства»: Кондратьев в своём иезуитстве дошёл до того, что «пытался использовать чуждую ему теорию пролетариата, чтобы замаскировать свои планы и протащить идеи неизбежности капиталистической реставрации в СССР»¹¹. Добавлю, что антисоветчиками и вредителями потом в течение долгого времени при советской власти считались не только многие учёные и политические деятели, но и выдающиеся писатели, деятели культуры и искусства и даже барды (А.Галич, Б.Окуджава, например).

«Кондратьевщину» критиковал и С.Г.Струмилин, работавший в те годы в Госплане СССР. В 1930 г. он упрекал гениального экономиста Н.Кондратьева за то, что в качестве «высшего критерия рациональности хозяйства» он принимал абсолютно чуждую истинно пролетарской политике «конкурентоспособность на свободном рынке»¹². Струмилин был за план и против рынка. Он писал, что «принимая рынок за необходимую предпосылку всякого возможного планирования, мы должны бы заплатить за эту предпосылку слишком дорогой ценою, ценою отказа от социализма, как заведомо несовместимого с этой предпосылкой хозяйственного строя»¹³. Он утверждал также, что «идеологи буржуазии, нашедшие себе приют в плановых органах, в своей ориентировке на могущественную роль рынка имели в виду реставрационное воздействие на советский строй через рынок не только русского, но и более мощного международного капитала»¹⁴.

Однако не приходится забывать, что травля настоящих учёных инициировалась и поддерживалась сверху руководителями партии и правительства. Так, травлю Н.Кондратьева, А.Чаянова и их единомышленников начал ещё в 1927 г. Г.Зиновьев в статье, опубликованной в журн. «Большевик»¹⁵. Там он охарактеризовал идеи этих учёных как «идеологию новой буржуазии», «манифест кулацкой партии» и т.д. А 27 июля 1930 г. в Политическом отчёте ЦК

⁸ Цит. По: Н.Д.Кондратьев. Особое мнение. Кн. II. С. 576, 578.

⁹ Там же, с. 579.

¹⁰ Там же, с. 580, 581.

¹¹ Там же, с. 581.

¹² С.Струмилин. На плановом фронте. М., Госполитиздат, 1958, с. 255.

¹³ Там же, с. 254.

¹⁴ Там же, с. 258.

¹⁵ Большевик № 13, 1927.

XVI съезду ВКП(б) устами самого Сталина прозвучали следующие слова: «Репрессии в социалистическом строительстве являются необходимым элементом наступления»¹⁶.

Вот в такой обстановке оказались истинные российские учёные и нарождалась новая советская (а точнее, сталинская) экономическая наука. Это обстановка идеологического террора, научного и человеческого предательства, классового кровожадности и беспощадности. Верноподданническое усердие новых партийных советских экономистов превзошло все нормальные человеческие недостатки и стало со временем их неотъемлемой чертой и новой советской экономической «наукой».

Советские экономисты вели борьбу за идеологическую чистоту в своих рядах не только в довоенный период, но и после войны. Именно тогда развернулась кампания против так называемых космополитов, т.е. людей, ценивших достижения западной цивилизации, знавших иностранные языки или просто когда-либо побывавших за границей, как это было со многими солдатами и офицерами в конце войны.

Согласно установкам сверху, в каждом научном коллективе надо было выявить космополитов, «пресмыкающихся перед Западом». Чаще всего ими оказывались евреи. На собраниях их всячески ругали и поносили, приклеивая соответствующие ярлыки. Часто это кончалось изгнанием из науки, а то и арестом с последующим заключением. Среди советских учёных и в этот период находилось, увы, много желающих поглумиться над своими коллегами. Увы, надо честно признать, что руки многих советских экономистов были в крови, доносы, проявления человеческой подлости и предательства по отношению к своим коллегам во имя так называемой «великой партийной правды», стали в советские времена обычным, чуть ли не нормальным явлением.

В СССР общественные науки в целом и экономическая наука, в частности, особенно политэкономию социализма, как уже говорилось, официально считались партийными науками. На деле это означало, что партия ждала от обществоведов не оригинальных исследований и неожиданных выводов, а очень ожидаемой поддержки и пропаганды своих решений и своей политики. Многие партийные решения, в частности, и те, которые принесли много горя стране, готовились при непосредственном участии советских обществоведов.

Однако среди советских экономистов всё же не было таких одиозных и мрачных фигур, какими, например, были в биологии академик Лысенко, а в философии академики Л. Минц и П. Федосеев, которые, как мы помним, принесли огромные беды стране, формируя лженауку, боролись с генетикой, кибернетикой и пр. Но эффект квазинауки, т.е. эффект ненауки, как и эффект неэкономии, неплана и нестатистики в советские времена всё же, безусловно, имел место. В этом выражалась и широко прокламируемая «партийность» советской экономической науки, от которой не мог отказаться ни один экономист.

В советской науке апогеем научного предательства, безграмотности и цинизма по праву считается «лысенковщина» в биологии. Тем не менее подобное явление появилось в советской экономической науке намного раньше. Оно было представлено целой плеядой экономистов-марксистов-нерыночников, которые сначала сожрали своих коллег – настоящих учёных, нормальных экономистов-рыночников, а затем консолидировались в виде новой и непременно «самой передовой в мире» СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ. Последняя в лице многих своих видных представителей верой и правдой служила лично правителям страны, марксизму-ленинизму, созданному партией новому общественному строю, командно-административной, нерыночной экономике. «Научное обоснование» получали не только бесчисленные «преимущества» социализма, но и многие явные ошибки правителей страны. Многие советские экономисты охотно и даже воодушевлённо приспособлялись не только к конкретным и порой противоречивым положениям марксизма-ленинизма, но и ко всем изменениям политической конъюнктуры внутри страны, к меняющимся формулировкам в решениях партийных съездов и пленумов.

Для правильного понимания вопроса надо разделить советскую экономическую науку на прикладную и теоретическую. Истинно научный элемент был присущ, естественно, первой. При анализе конкретных прикладных вопросов, скажем, оценки эффективности тех или иных затрат на единицу выпуска продукции, производительности тех или иных машин или новой техники, сопоставлении технико-экономических показателей СССР и других стран, многие советские экономисты проявляли вполне трезвый профессионализм. И их сила была не столько в этом, сколько в том, что они не претендовали на опасные обобщения, способные посеять сомнения в эффективности функционирования советской экономики в целом. Примеров можно привести множество.

¹⁶ Сталин И. Соч. Т. 12. М., 1949, с. 309.

Так, академик Л.Канторович проводил ценные исследования в области оптимизации производства и программирования с использованием математических методов, профессор В.Новожилов много сделал по измерению затрат и результатов производства¹⁷. Высоким уровнем научного анализа отличались работы академика В.Трапезникова в области экономики научно-технического прогресса¹⁸.

Не менее интересными были и работы Т.Хачатурова, В.Красовского и В.Фальцмана по капитальным вложениям, С.А.Хеймана и Я.Б.Кваши по проблемам НТП и статистики. Но особо хотелось бы отметить подвижническую деятельность академиков Е.Варги и В.Немчинова. Е.Варга выступал с идеями об усиливающейся роли государственного регулирования при капитализме, за что вызвал гнев самого Сталина. Впоследствии Е.Варга высказался против партийной версии о неизбежности войны между империалистическими странами и подверг критике ряд ошибочных антинаучных положений последней «теоретической» работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»¹⁹. В.Немчинов выступал за внедрение рыночных элементов в плановую систему (конкуренция за госзаказы, оптовая торговля средствами производства), хотя и предлагал создать «теорию плановых цен». Он прекрасно проявил себя также и как принципиальный противник Т.Лысенко.

Можно привести и другие примеры достойного поведения и добросовестного отстаивания вполне разумных научных позиций, не умещавшихся в рамки привычных догматических представлений политэкономии социализма.

Так, вполне скромный экономист из Института экономики АН СССР Д.Палтерович писал в 1985 г.: «Не слишком ли богаты сейчас предприятия оборудованием, если на многих из них, заходя в цеха даже в первую смену, можно увидеть половину, а то и больше бездействующих машин? И не лучше ли уменьшить ресурсы, выделяемые на производство, скажем, традиционных станков в 1,5-2 раза, высвободив тем самым мощности машиностроения для освоения новой, высокопроизводительной или более дефицитной техники»²⁰. Другой экономист-прикладник, Ю.Субоцкий, писал о тенденциях нерационального самообеспечения, создания предприятий неоптимальных размеров, растущей несостыковки предложения товаров с реальным спросом на них, несопряженности выпуска оборудования с приростом занятости и даже деспециализации производства²¹.

В научно-исследовательском экономическом Институте при Госплане СССР проводились важные прикладные исследования в области межотраслевого баланса, повышения эффективности производства, использования в планировании рыночных инструментов, сопоставления экономических показателей СССР и США.

Свой путь совершенствования социализма и СМЭ предлагали такие «рыночники» (как тогда их называли), как Е.Либерман, Г.Лисичкин и А.Бирман. Е.Либерман не предлагал ввести в стране рыночные отношения или сделать прибыль главным показателем плана. Он предлагал повысить роль прибыли, рентабельности и премий в системе централизованного планирования. Его статья «План, прибыль и премия», опубликованная в «Правде» в 1962 г., вызвала не только широкую и открытую дискуссию, но и во многом определила первую косыгинскую реформу 1965 г.

Конечно, эти прикладные исследования проводились не в русле отрицания социализма и присущей ему СМЭ и системы централизованного планирования, а в русле их совершенствования. Никто из рыночников ни слова не сказал о принципиальной порочности планового ведения хозяйства во всех мелочах из одного всевидящего центра, о необходимости восстановления института частной собственности, товарно-денежных отношений и органически присущего им механизма конкуренции.

Эта группа советских экономистов видела задачу «не в том, чтобы дать неограниченный простор закону стоимости и превратить его в регулятор социалистического производства, а в том, чтобы использовать закон стоимости как один из важнейших экономических рычагов планового руководства нашим народным хозяйством»²². Она не предлагала предоставить рынку регулирующие функции и выступала за использование

¹⁷ Л.Канторович. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., Изд-во АН СССР, 1959; В.Новожилов. Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве в сб. «Применение математики в экономических исследованиях». М., Соцэжгиз, 1959.

¹⁸ См. Наука и жизнь, № 1, 1969.

¹⁹ См. Я.Певзнер. «Жизнь и труды Е.С.Варги в свете современности» в журн.: «Мировая экономика и международные отношения», No 10, 1989, с. 30.

²⁰ См. ЭКО № 4, 1985, с. 21.

²¹ Ю.Субоцкий. Развитие объединений в промышленности. М., 1977, Наука, сс. 108-120, 130.

²² Островитянов К.В. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. С. 240.

рыночного механизма лишь как вспомогательного, т.е. в помощь плану, утверждая, что закон стоимости «как регулятор не самостоятелен, выполняет подсобные функции»²³. В результате пытались соединить план и рынок. Ключевым словом стало слово «хозрасчет».

Другой срез частично плодотворных научных идей – это закрытые докладные записки «наверх», которые в 60-80-х годах готовили практически все исследовательские институты, и дело это было довольно престижным. В записках можно было сказать значительно больше правды, чем в открытой печати. Но это не значило, что высказанная правда будет учтена в руководящих инстанциях, если она не очень соответствует принятым там взглядам или принятым направлениям развития экономики страны. Но те экономисты, которые регулярно писали такие записки в своих институтах, котировались довольно высоко. Они порой считались прогрессистами, сторонниками давно назревших реформ, которые консервативные руководители не желают проводить, поскольку они не отвечают их политическим интересам сохранения своей авторитарной власти. Многие из них были невыездными, их на всякий случай не выпускали за границу. Вместо них с подготовленными ими материалами (результатами их исследований!) ездили директора и замдиректоров их исследовательских институтов.

Среди таких «запискописателей» было много экономистов-международников, международных-политологов и историков, работавших в институтах Отделения мировой экономики и международных отношений АН СССР. При этом иной раз ставились острые по тем временам вопросы об отставании СССР от Запада по эффективности производства, научно-техническому прогрессу, давались предложения по военным вопросам, по отношениям со странами СЭВ и с коммунистическими партиями других стран. Особенно остро стоял вопрос о войне в Афганистане, размещении советских ракет СС-20 в странах Восточной Европы, о поддержке Кубы. Не все «запискописатели» защищали при этом интересы своей страны, многие из них подлаживались под уже намечающиеся к принятию «наверху», ставшие потом роковыми, решения. Так, ученые академики – члены ЦК и просто к нему приближенные заранее знали о таких наметках и, скорее всего, выполняли поручения их обосновывать и поддерживать.

Одной из самых известных впоследствии таких докладных записок стала записка известного советского социолога Т.И.Заславской, ставшей потом академиком. Т.Заславская работала в Сибирском отделении АН СССР и в 1983 г. направила в центр докладную записку с предложениями о совершенствовании социалистических производственных отношений. В ней прямо был поставлен вопрос о расширении элементов рыночного механизма в централизованном планировании СССР. Однако текст записки каким-то образом попал на Запад и вызвал в ЦК и КГБ бурю негодования, как антисоветский, вредительский и т.д. документ. К счастью, для автора все обошлось.

Но совсем иной характер носили в большинстве своем так называемые исследования многих советских экономистов-теоретиков, экономистов, занимавшихся макроэкономическими проблемами СССР. Их «исследования» напрямую подпирали СМЭ, стратегическую линию партии на укрепление существующего строя, своей власти, марксистско-ленинской идеологии. В этом качестве они были не только оружием партии, но и питательной средой, обслуживающей интересы реального социализма, его претензии на высшую эффективность и даже на мировое господство.

Советские экономисты вплоть до конца 80-х годов не хотели задумываться и пересматривать свои оценки так называемого развёрнутого строительства социализма в нашей стране, ознаменовавшего формирование тупиковой СМЭ. Это социалистическое строительство, считалось, было направлено на якобы всестороннее и свободное развитие народа, являлось концентрированным выражением сознательного и планомерно организованного использования основного экономического закона социализма (якобы всемерного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей населения), когда достигалось якобы гармоничное, пропорциональное развитие производства, постоянно росла его эффективность и т.д. А для всего этого надо было обеспечить преимущественное, опережающее развитие тяжелой промышленности и, прежде всего, машиностроения и энергетики. Даже академик Н.Федоренко, который часто справедливо критиковал догматиков-политэкономов, в 1968 г. писал: «Полувекковая история развития СССР – первого в мире социалистического государства – на огромном историческом опыте продемонстрировала силу и неисчерпаемость творческих возможностей нового строя, основанного на общественной собственности на средства производства. Социализм проявил себя как самая прогрессивная организация общественной

²³ Там же, с. 530.

жизни, он невиданно ускорил темпы социально-экономического и культурного развития нашей страны, использовал результаты прогресса на благо всего общества»²⁴.

Во всей этой утопии совсем не просматривалось реалистическое понимание действительности. Лишь постепенно под напором всё накапливающихся фактов и неизменного провала всех попыток частичных реформ с фрагментарным применением некоторых элементов рыночного механизма отдельные советские экономисты стали более или менее адекватно рассматривать отдельные негативные процессы и явления в развитии советской экономики. Но до понимания сути СМЭ дело никогда не доходило.

Здесь прежде всего придется вспомнить преподавателей-экономистов, работавших в партийных вузах (Академия общественных наук и Высшая партийная школа при ЦК КПСС, партийные школы в союзных республиках) и на экономическом факультете МГУ. Все они готовили (а точнее, портили мозги) руководящие кадры и партийных идеологов. Чего, например, стоит такая «наука», как политическая экономия социализма, которая была обязательным предметом для изучения во всех вузах страны? Бессодержательные банальности и выдумки о развитии производительных сил и производственных отношений, о строительстве материально-технической базы коммунизма, непосредственно общественном труде или об экономических законах социализма были обычной темой «исследований» таких экономистов.

Известным учебником по политэкономии социализма был учебник под редакцией проф. Н.Цаголова, подготовленный на экономическом факультете МГУ и претендовавший на своего рода теоретический монумент типа «Капитала» Маркса, но применительно к социализму. В одном из ранних изданий этого учебника прямо говорилось, что «товарно-денежные отношения не порождены самими основами социализма»²⁵. Провозглашая коренные преимущества социализма над капитализмом, авторы последующего издания этого фундаментального по своему предназначению труда пишут: «При планомерной организации производства в масштабе всего народного хозяйства на основе единого централизованного плана в интересах всех членов общества, т.е. при социализме, общественный процесс производства выступает как процесс функционирования единого общественного хозяйства, процесс хозяйствования общества в целом... Непосредственно общественные, на основе и в рамках единого общественного плана, а не рыночные, стихийно формирующиеся отношения, связывают отдельные производственные звенья в единый процесс социалистического производства»²⁶.

Когда люди так думают, то они способны загнать экономику в состояние полного паралича, ибо уже нет места никакой мотивации к труду и производству, рыночные отношения полностью исключаются, а командный механизм хозяйствования и экстенсивный характер развития чуть ли не увековечиваются. Студенты, изучавшие этот курс, всегда преодолевали внутреннее неприятие нарочитой искусственности псевдонаучных формулировок, претенциозность на открытие якобы нового, вечного.

Университетские политэкономы претендовали на открытие вечных и незыблемых истин, своего рода аксиом, обязательных для всех экономистов страны. Однако они никогда не задумывались над тем, как открываемые ими объективные экономические законы и категории социализма должны реализовывать себя на практике, каковы пути повышения эффективности производства, рационального и бережливого ведения хозяйства. Иными словами, политэкономия социализма не стала опорой практики управления и планирования. Её увлечения абстракциями, расплывчатыми формулировками делало её оторванной от реальных хозяйственных процессов и мешало конкретным и прикладным исследованиям в этой области. Что же касается ее трактовки товарного производства при социализме, то в последних изданиях учебника по политэкономии социализма под редакцией Цаголова товарно-денежные отношения стали признаваться лишь в качестве гетерогенных и незначительных элементов «досоциалистических форм экономических отношений», но в то же время органически не присущих социализму, как общественной системе. Какие-либо количественные измерения, тем более применение математики в экономике среди «чистых теоретиков» из МГУ или Института экономики были не в чести. Они аргументировали либо путём абстрактных рассуждений, либо цитатами. Самым главным способом доказательств было цитирование Маркса и Энгельса. По существу, это было паразитирование на выводах, относящихся к далёкому прошлому или на идеологических догмах. И особенно поощрялась при этом критика так называемых

²⁴ Н.Федоренко. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М., Наука, 1968, с. 3.

²⁵ Курс политической экономии. Т. 1. М., Экономиздат, 1963, с. XXIX.

²⁶ Курс политической экономии. Т. II. М., Экономика, 1974, с. 131, 132.

«буржуазных теорий». Противопоставление своих взглядов взглядам западных исследователей считалось верхом «научного» изыска.

В работах экономистов-теоретиков из Института экономики АН СССР также провозглашался панегирик по поводу успехов в строительстве социализма в нашей стране, постепенного преобразования социалистической экономики в коммунистическую. При этом, как правило, речь и не шла о противоречиях, проблемах или недостатках в хозяйственной практике, в расчётах в экономической политике.²⁷

Всё это имело место и в те годы, когда экономический рост в СССР практически прекратился, дефицит продукции достиг непомерных размеров, социальное недовольство нарастало, страна импортировала огромное количество зерна, и настроения бесперспективности и безысходности были уже широко распространены в обществе. Более того, в те годы кое-кто из нас уже начал понимать, что советская экономическая система обречена.

И тем не менее выдающиеся представители советской экономической науки не очень-то стремились к замене плана рынком, к формированию смешанной конкурентной рыночной экономики и особенно к созданию в советской экономике мощного частнопредпринимательского сектора, без которого эффективная рыночная экономика просто не существует.

В то же время некоторые советские экономисты-теоретики в своих работах 70-80-х годов стали всё чаще говорить о необходимости более широкого включения товарно-денежных отношений в систему экономических отношений при социализме. Такую же позицию занимали такие известные теоретики социалистической экономики, как Л.И.Абалкин, Я.А.Кронрод и Л.М.Гатовский, которые считали, что товарно-денежные отношения имманентно присущи социализму, не привносятся извне и не порождаются «недоразвитостью» социализма. Они были сторонниками принципа органического единства централизованного планового руководства хозяйством с хозрасчётом и относительной экономической самостоятельностью государственных предприятий, выступали в поддержку прибыли и рентабельности, как показателей народнохозяйственного плана. И были убеждены в полной научной и исторической обоснованности и в скорой победе коммунизма в нашей стране²⁸.

Тем не менее это был реальный учёт в теории тех практических шагов, которые уже стали делаться в попытках частичного реформирования классической нерыночной СМЭ. Это был шаг в направлении «рыночного социализма», который в более развёрнутом виде в те годы был представлен в экономике Югославии, Венгрии и Польши. Консервативные университетские теоретики явно не одобряли подобной логики.

Вместе с тем реальный социализм в нашей стране имел реальные товарно-денежные отношения только на колхозных рынках и в теневом секторе экономики. В государственном секторе (а это 99% экономики) их не было и не могло быть. Советская экономика не имела не только реального рынка товаров и услуг, не было рынков труда и капитала, не было коммерческих банков и кредита, не было даже элементарной рыночной инфраструктуры и свободы выбора у потребителя.

Университетские же политэкономы были убеждены, что в конечном счёте товарно-денежные отношения по мере развития социализма со временем сами отомрут или «будут преодолены», и экономика страны окончательно войдёт в виртуальную жизнь искусственных правил, норм и указаний «сверху» в жёстких рамках централизованного планирования. Забавно сегодня читать прошлые рассуждения многих советских экономистов об их «концепциях», «теориях», «открытиях» и т.д. по вопросам, которые рождались в искусственной среде социалистической псевдоэкономики, в искусственном мире «диктатуры пролетариата» и адекватной ему «науке», оторванной от магистрального пути мирового развития. Ни СМЭ, ни

²⁷ См. Экономические закономерности перерастания социализма в коммунизм. М., Наука, 1967; Экономический строй социализма. М., Экономика, 1984. Т. I-III.

²⁸ Л.Гатовский, например, писал, что при коммунизме «будет достигнут такой уровень развития производительных сил, что позволит решить важнейшие проблемы потребления (изобилие материальных и культурных благ для всех членов общества) и коммунистического равенства (преодоление социально-экономических различий между городом и деревней, стирание классовых граней между рабочими и крестьянами, переход к бесклассовому обществу)». (См. его книгу «Экономические законы и строительство коммунизма». М., Экономика, 1970, с.243); Я.А.Кронрод считал, что «планомерное развитие социализма представляет собой опыт, убедительно говорящий ... о единственно научном мирозерцании...» (См. его книгу «Производительные силы и общественная собственность». М., Наука, 1987, с. 47.)

советскую общественную систему ликвидировать или радикально изменить они не предлагали. Все определяли «решения партии и правительства», которым они автоматически подчинялись.

«Теоретики» политэкономии социализма любили к тому же упражняться в схоластических рассуждениях о «новом содержании» товарно-денежных отношений при социализме, об «основном» и «исходном» производственном отношении при социализме, о «производительности труда» и «производительной силе труда», о «производительности общественного труда» и «общественной производительности труда», о методологии основного экономического закона и т.д. Они раскладывали карточный пасьянс из придуманных ими якобы объективных «законов» социализма. Тузом был «основной экономический закон», королем «закон планомерного и пропорционального развития», дамой «закон неуклонного роста производительности труда» и т.д. А в целом «политэкономия социализма» в связи с прогрессирующим упадком и кризисом этой системы всё более утрачивала своё значение и уходила в небытие, не выдержав испытание временем.

Долгие годы среди советских политэкономов шли скучные дискуссии об основном экономическом законе социализма. В период «военного коммунизма» выдвигалась концепция «закона трудовых затрат», в период НЭПа – концепции «закона стоимости», «двух регуляторов Е.Преображенского и «двуетного регулятора» А.Кона. В 30-е годы в качестве основного закона чаще всего выдвигались план и диктатура пролетариата. На этом поприще особенно активно выступали К.Островитянов, Л.Гатовский и Л.Леонтьев, ставшие потом в послевоенный период высокопоставленными чиновниками в советской экономической науке и законодателями «правильных» взглядов и точек зрения.

Как пишет Н.Шухов, «К.В.Островитянов, Л.М.Гатовский, Л.А.Леонтьев и другие в угоду И.В.Сталину возвели «диктатуру пролетариата» как форму политического правления, опирающуюся на неограниченное законом насилие, в основной объективный экономический закон советского хозяйства вплоть до «окончательной победы социализма»²⁹. В качестве основного экономического закона отдельные советские экономисты провозглашали юридические акты советского государства и сталинскую Конституцию 1936 г.

После войны под влиянием Сталина была принята окончательная формулировка основного экономического закона социализма, как закона максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей. Цинизм этой формулировки для реальных условий «реального социализма» безмерен.

Советские экономисты многие десятилетия отрицали и не разрабатывали проблем скрытой инфляции и открытого дефицита в стране. Господствующая партийная идеология не признавала обесценения денег при социализме в принципе. Считалось, что это феномен лишь капиталистической экономики – экономики рыночного хаоса и анархии производства. В централизованно планируемой социалистической экономике, говорилось, такое невозможно в принципе, ибо цены устанавливаются государством сверху, жёстко контролируются и носят фиксированный характер.

Однако цены росли, предприятия все меньше выпускали дешёвой, низкорентабельной продукции, старались применить более дорогое сырьё и полуфабрикаты, повысить материалоёмкость и цены, чтобы не снизить уровень рентабельности. Огромные очереди населения за продуктами и промтоварами первой необходимости не только способствовали росту цен, но и сами по себе были выражением скрытой инфляции. Происходило постоянное удорожание машин и оборудования на единицу их мощности. Поэтому при перевыполнении плана по стоимостным объёмам капвложений план по вводу мощностей обычно не выполнялся, при быстром нарастании объёмов капвложений шёл процесс замедления обновления основных фондов, при росте расходов на НИОКР не было адекватного увеличения, как тогда говорилось, внедрения новой техники.

То же самое можно сказать и о проблеме дефицита, органически присущей плановой, нерыночной экономике. Лишь в 80-х годах, когда процесс развала советской экономики стал приближаться к своему апогею, отдельные советские экономисты фрагментарно и без теоретических обобщений стали затрагивать эти вопросы в своих исследованиях. А к этому времени в западной советологии всё это уже получило полное научное освещение, определение и осознание.

Экономисты-математики предложили искусственный заменитель рынка – систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ), где вместо нормальных равновесных цен предлагались искусственно рассчитанные, так сказать, математические цены, вытекавшие из оптимального плана, цены без стоимости. По существу, речь шла о математической имитации

²⁹ Н.Шухов. Политическая экономия социализма в 20-е годы, с. 214.

рыночных цен, всего объективного процесса ценообразования, балансирующего спрос и предложение. К тому же спор среди «софэистов» шёл не о плане и рынке или о том, как их совместить, а только о плане, о том, как заменить устаревшую госплановскую систему и сложившуюся систему административных цен на еще более жесткие, искусственные, виртуальные, но якобы «онаученные» с помощью математики цены. Как пишет Я.Корнай, «даже самая современная компьютерная техника оказывается не в состоянии рассчитать миллион переменных величин в народном хозяйстве. Единственным «компьютером», способным сделать это, является рынок. А надежды заменить рынок математикой и компьютерами оказались на грани провала»³⁰. Плановую экономику наши экономисты-математики рассматривали как «сознательно оптимизируемую» в соответствии с якобы целевой функцией роста благосостояния населения.

Экономисты-математики порой специально подчёркивали свою верность партийной идеологии, клялись, что они ни на шаг не отступают от марксизма. Так, А.Захаров писал, что «применение кибернетического анализа в экономике не означает какой-либо «ломки» марксистско-ленинской политической экономии, а представляет собой её естественное развитие, так как можно показать, что подход, применявшийся Марксом в «Капитале», был бессознательно кибернетическим»³¹. Этот удивительный вывод соседствует и с другими не менее удивительными рассуждениями учёных из этой группы советских экономистов.

Так, «софэисты», равно как и теоретики-политэкономы, претендовали на открытие новой экономической теории социализма, альтернативной рыночной, на научную трактовку экономических законов социализма (с учётом оптимального функционирования экономики), как передовой по сравнению с капитализмом общественной формации, её социально-экономического оптимума. Политическую экономию социализма они называли описательной, свою же теорию именовали конструктивной. Некоторые из них выступали против товарных отношений, которые также считали несовместимыми с централизованным планированием, за наивысшую эффективность, которая достигается якобы на основе оптимального плана, разработанного на основе соизмерения затрат и результатов, отбора его оптимального варианта³². В то же время главные сторонники СОФЭ (В.Немчинов, В.Новожилов) выступали за развитие хозрасчёта и товарно-денежных отношений при искусственном формировании оптимальных цен (издержки производства плюс плата за фонды)³³. Всё это свидетельствовало о противоречиях и несогласованности в рядах «софэистов». Никто из экономистов-математиков ни слова не сказал о преднамеренном искажении советской официальной статистики, которую они использовали в своих моделях. А в целом можно заключить, что как теоретики чистой политэкономии социализма, так и сторонники СОФЭ находились в стороне от действительно научного исследования в теоретическом смысле. И те, и другие всерьёз полагали, что социалистическая экономика обладает наивысшей эффективностью.

Резко критиковал математическую школу в советской экономике Я.Кронрод. Он обвинял её в протаскивании идей «буржуазных» теорий предельной полезности, факторов производства, за субъективно-психологический подход и т.д., приводившем к отходу от марксистской теории трудовой стоимости. Он был озабочен тем, что «происходит проникновение – и немалое – концепций (старых и архисовременных) буржуазной теоретической экономии в советскую экономическую науку»³⁴. Примерно на такой же позиции стоял и известный советский экономист, академик К.Островитянов.

Характеризуя капиталистическую экономику, Кронрод упирал на то, что она отличается гигантским расточительством, паразитизмом, анархией производства, цикличностью, кризисностью, монополистическим загниванием, эксплуатацией городов деревни, метрополиями колоний и т.д. А социалистическая экономика, в противоположность

³⁰ Ja. Kornai. The Socialist System. Oxford, 1992, p. 405. Аналогичную мысль ещё ранее высказала Л.Пияшева: «...В экономическом мире единственной силой, способной установить правильные цены, является рынок, который фокусирует в себе движение спроса и предложения, изменения условий производства, продажи, торговые пошлины и ещё много всего того, что ни одна электронная машина, ни все машины мира рассчитать не могут» («Новое время» № 45, 1989, с. 23).

³¹ См. Материалы предстоящей научной конференции «Хозяйственная реформа и проблемы оптимального планирования». М., 1967, с. 43, 44.

³² Один из видных сторонников СОФЭ, Н.Шухов, в одной из своих работ писал, что «социализм и товарное хозяйство – две диаметрально противоположные социально-экономические системы, которые в принципе несовместимы». (Н.Шухов. Хозяйственная реформа и оптимальные цены, в сб. «Хозяйственная реформа и проблемы оптимального планирования», с. 42).

³³ См. Реформа ставит проблемы. М., Экономика, 1968, с. 33.

³⁴ Я.Кронрод. Система общественных потребностей, закономерности их формирования и развития в условиях социализма. М., 1966, с.9.

этому, полностью исключает все антагонистические капиталистические деформации, создаёт наиболее рациональную, прогрессивную и эффективную структуру производительных сил и производимого общественного продукта³⁵.

В свою очередь экономисты-математики резко критиковали теоретиков-политэкономов и вообще советскую экономическую науку. Так, академик В.Немчинов считал, что советская «экономическая наука продолжает отставать от требований практики», что существует недооценка «анализа количественной стороны экономических процессов в социалистическом народном хозяйстве», что «нельзя политическую экономию социализма ограничивать только качественным анализом»³⁶. Другой видный представитель СОФЭ, А.Лурье, говорил, что «к сожалению, часть “трудов” наших политэкономов была не “описательной” (описывать – полезное дело), а “деструктивной”. Они тормозили положительную разработку проблемы эффективности, вопросов использования категорий прибыли и ренты, введения начислений на фонды» и т.п.³⁷. Трудно не согласиться с этой оценкой³⁸.

Но среди экономистов-математиков раздавались и самокритичные оценки. Так, В.Фальцман отмечает, что молодые софэисты «были чересчур далеки от практики, чтобы разработать “оптимальный план” не только для народного хозяйства, но и даже для любой отрасли. Да и сама идея оптимального функционирования социалистической экономики все более противоречила практике, становилась реакционной по мере того, как бывший СССР терял темпы своего роста, из числа догоняющих стран перемещался в отстающие»³⁹.

Особо следует сказать об экономистах-международниках, в среде которых сформировались два течения: одно прогрессивное, другое – консервативное. Учёные первой группы говорили об изъянах советской экономики, не способной «догнать и перегнать» Запад по НТП и жизненному уровню населения, о новых явлениях в экономике капитализма. В ИМЭМО – это Е.Громов, Я.Певзнер и др. Учёные второй группы талдычили о проблемах и противоречиях капитализма, о его общем кризисе, загнивании и бесперспективности развития и, естественно, о преимуществах социализма. В ИМЭМО это В.Аболтин, А.Кац, И.Гурьев, генерал Горяинов и др. Директора международных институтов держали у себя тех и других, манипулируя их записками и иными трудами в зависимости от политической ориентации того или иного вышестоящего партийного босса, которым они и посылались.

Следует сказать, что в 1948 г. по указанию Сталина Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР (именно так тогда назывался ИМЭМО) был закрыт, и его сотрудники влились в Институт экономики АН СССР, где был сформирован международный отдел⁴⁰. Поводом для гнева «вождя народов» послужили работы директора Института академика Е.Варги и ряда других учёных из этого института, где по-новому, более адекватно сложившимся послевоенным реалиям рассматривались проблемы усиления роли государства, развития демократических процессов в капиталистических странах и т.д. Всё это не стыковывалось с устаревшими марксистско-ленинскими постулатами, сложившимися в прошлом. Поэтому они широко критиковались в партийной печати и в «научных» дискуссиях.

Для самосохранения, сохранения своих сотрудников, для того, чтобы иметь возможность работать, академик Варга вынужден был выступить с публичным, довольно уничижительным, покаянием. Покаяние называлось «Против реформистского направления в работах по империализму», оно было опубликовано в журнале «Вопросы экономики»⁴¹.

Е.Варга писал, что критика его работ «была необходима и правильна. Моя ошибка заключается в том, что я не сразу признал правильность этой критики, как это сделали другие товарищи. Но лучше поздно, чем никогда»⁴². И далее: «Всякие ошибки реформистского направления в отношении буржуазного государства, которые, к сожалению, встречаются в моей

³⁵ Там же, с. 39.

³⁶ В.Немчинов. О применении математических методов в экономических исследованиях и планировании. М., 1960, с. 2,4,5.

³⁷ Дискуссия об оптимальном планировании. М., Экономика, 1968, с. 92.

³⁸ Вот что говорил в те годы молодой тогда, будущий академик С.Шаталин: «Политическая экономия социализма действительно до сего времени страдает описательностью, изолированным рассмотрением экономических категорий, постулированием априорных, однозначных законов и закономерностей, которые ещё только должны быть выведены на основе определённых предпосылок» (Дискуссия об оптимальном планировании, с. 128).

³⁹ В.Фальцман. Российские научные школы в 60-80-е годы. М., «Дело», 1995, с. 27.

⁴⁰ Институт был восстановлен лишь после смерти Сталина в 1955 г. под новым названием (ИМЭМО).

⁴¹ Вопросы экономики №3, 1949.

⁴² Там же, с. 79.

книге (независимо от желания автора), несомненно, являются поддержкой контрреволюционного реформистского обмана рабочего класса и тем самым поддержкой буржуазии⁴³. И далее он вынужденно признал, что в его изложении часто «отсутствует необходимая марксистская ясность»⁴⁴. Поистине горе было тем, кто публично не признавал своих «ошибок», не отрекался от истинной науки.

В то же время многие советские учёные с энтузиазмом славословили в адрес вождя и учителя, видя в этом важный фактор для своего благополучия. Вот что писали в своём обращении к Сталину участники Всесоюзного совещания химиков в 1951 г.: «Собравшись для обсуждения путем свободной широкой дискуссии основных вопросов современного состояния теории химического строения, мы, советские химики, хотим выразить Вам нашу глубочайшую благодарность за Ваше повседневное внимание к развитию советской науки и, в частности, химии, за Ваши руководящие указания работникам науки, определяющие пути её развития, за Вашу творческую деятельность по преобразованию человеческого общества на научных основах, разработанных Марксом, Энгельсом, Лениным и Вами, товарищ Сталин». И далее: «...Руководствуясь решениями Центрального Комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам и Вашими, товарищ Сталин, указаниями, советские химики развернули борьбу против идеологических концепций буржуазной науки. Порочность так называемой «теории резонанса» ныне разоблачена, а остатки этой концепции будут выброшены из советской химической науки...»⁴⁵. И т.д.

Теория резонанса, слава Богу, выжила. Но дело в другом. Сталин мог что-то вразумительное сказать по теме работ ИМЭМО или академика Е.Варги, но что он понимал и мог понимать в химии, генетике, языкознании, в литературе, наконец. Но многие «советские учёные» и целые их кланы старались использовать Сталина в своих личных и корпоративных интересах. И после его смерти такие же «учёные» старались использовать в своих интересах других генсеков, партаппаратчиков, начальников разного рода. Вот что ужасно. Что это за наука такая?⁴⁶

Западные учёные долгое время вообще не могли понять, что же творится с наукой в Советском Союзе.

Тем временем постепенно в советской общественной науке сформировалась группа партийных академиков, директоров исследовательских институтов, порою членов ЦК, обслуживающих руководство страны без особого риска для себя. Скорее, во благо самим себе. Они работали на реальный социализм и не хотели и не предвидели его развала.

Привилегии административных постов, в свою очередь, часто привлекали к себе энергичных, но далеких от научного творчества молодых людей. И прежде чем стать директором или заместителем директора НИИ, часто надо было поработать секретарем парткома института, заслужить доверие вышестоящего начальства. Административный же пост давал возможность получить не только существенно более высокую зарплату, но и квартиру, служебную машину, бесплатное лечение в лучших поликлиниках, больницах, санаториях, поездки за границу за государственный счёт и др. привилегии. Но самое главное – власть. Всё это имело место в советской экономической науке, как, впрочем, и в других сферах – для советской номенклатуры.

Что касается Академии наук СССР, то в отличие от других сфер производственной и научной деятельности, здесь особенно привлекала возможность получения звания академика или члена-корреспондента тоже с соответствующими привилегиями. Для получения этих званий никаких научных открытий сплошь и рядом вообще не требовалось. Работали иные мотивы. Вот что писал по этому поводу известный советский юрист Б.Курашвили: «Академики и члены-корреспонденты работают в институтах, но управляют ими не только в силу своих должностей в них, а главным образом как члены привилегированного слоя, клана, клуба. Состав этого руководящего клуба в последние два-три десятилетия сильно изменился. В его члены избирались не только и даже не столько по научным заслугам в зависимости от личных научных достижений, сколько по служебному положению в науке, членами-корреспондентами и

⁴³ Там же, с. 80.

⁴⁴ Там же, с. 86.

⁴⁵ Цит. По: С.Шноль. Герои и злодеи российской науки, с. 297.

⁴⁶ Живые отклики такого совкового поведения наших ученых слышны (и даже видны по TV) и сейчас, когда президент РАН, академик Ю.Осипов, регулярно присутствует на заседаниях Правительства РФ и ничего не добивается для своей РАН, а новый и вполне, естественно, заслуженный лауреат Нобелевской премии по физике за 2000 г. академик Алферов признается, что до того, как он стал членом депутатской думской фракции КПрФ, он был членом проправительственной фракции НДР. И это было инициировано руководством РАН в интересах самой РАН.

академиками часто становились директора институтов. А директорами становятся не обязательно самые талантливые учёные. Здесь действуют законы формирования и самоподдержания номенклатуры. Преимущества у учёных среднего уровня, имеющих организаторские способности, ориентированных на власть, пользующихся расположением верхов. Недостаток научного авторитета они восполняют должностью и академическим званием. Девальвация этого звания стала очевидной»⁴⁷.

Выдвижение и выборы в академики и члены-корреспонденты – это процедура реализации сговора по поводу конкретных индивидуальных или групповых интересов уже действующих начальников от науки и отдельных научных коллективов или же результат проведения в жизнь рекомендаций из вышестоящих руководящих органов страны, особенно из ЦК КПСС.

Многие директора и заместители директоров ведущих исследовательских институтов, будучи «проверенными и надёжными кадрами», в брежневский период стали регулярно ездить в загранкомандировки, знакомиться с организацией и результатами серьёзной научной работы, ведшейся на Западе. Они прекрасно видели и понимали, какую по-настоящему большую роль играл на Западе свободный учёный, каким уважением и авторитетом он пользовался. Чиновники от науки там практически не было. Но зато было много разнообразных научных школ и направлений, конкурирующих между собой. Стандартизация мышления и конформизм, столь типичные для советской науки, там проявлялись лишь в редких случаях. Однако по возвращении к себе домой и в свой институт они ничего не предпринимали, чтобы хоть как-то позаимствовать и применить у себя на Родине передовое, прогрессивное, настоящее. Похоже, их вполне устраивали наши феодальные порядки и привилегии. И они не чурались контактами с КГБ, выполняя прямые поручения его сотрудников.

Процесс вырождения науки и учёных в результате их порчи от привилегий и льгот хорошо известен с давних пор. Об этом весьма содержательно писал и М.Бакунин: «...Научная академия, облечённая, так сказать, абсолютною верховною властью, хотя бы она состояла даже из самых знаменитых людей, неизбежно и скоро кончила бы тем, что сама развратилась бы и морально, и интеллектуально. Такова уже ныне история всех академий при небольшом количестве предоставленных им привилегий. Самый крупный научный гений с того момента, как он становится академиком, официальным патентованным учёным, неизбежно регрессирует и засыпает. Он теряет свою самобытность, свою революционную смелость и эту не укладывающуюся в общие рамки дикую энергию, характеризующую самых великих гениев, призванных всегда к разрушению отживших миров и к закладке основ новых миров. Он, несомненно, выигрывает в хороших манерах, в полезной и практической мудрости, теряя в мощности мысли. Одним словом, он вырождается».

Таково уж свойство привилегии и всякого привилегированного положения – убивать ум и сердце людей. Человек, политически или экономически привилегированный, есть человек, развращённый интеллектуально и морально. Вот социальный закон, не признающий никакого исключения, приложимый одинаково к целым нациям, классам, сообществам и индивидам»⁴⁸.

К тому же долгие годы советские учёные находились под гнётом невежественных партруководителей, идеологов, бюрократов, номенклатурщиков от науки, бдительных кадровиков-кагебистов. Ведь для того чтобы занять пост директора исследовательского института, заведующего кафедрой общественных наук в вузе, требовалось специальное решение ЦК, обкома или райкома КПСС. Поскольку значительный слой учёных был уничтожен вообще, как якобы враждебный социализму элемент, и на этой почве появились лояльные конъюнктурщики, или так называемые партийные учёные, возрос удельный вес посредственностей, массовых, средних «учёных». Неуютно было блистательным, оригинальным умам.

Лысенковщина постепенно превратилась в один из принципов научной (а лучше сказать, псевдонаучной) деятельности в СССР. Партийная идеология оседлала всё обществоведение и погоняла его как хорошую лошадь в нужном для неё направлении. Среди таких «учёных» быстро нашлись рьяные карьеристы, которые лучше любого партюриста направляли и свою «науку» в нужном руководителям страны направлении. Нормальные же учёные (были и такие!) должны были следовать планам и приоритетам, задаваемым подобными руководителями, выполнение которых особенно стимулировалось. Известный биолог, проф. Эфроимсон, познавший горечь сталинизма в советской науке, писал: «Я не преувеличу, если скажу, что в нашей науке существует почти феодальная зависимость огромной армии хороших,

⁴⁷ Советская культура, 1989, 11 мая.

⁴⁸ Цит. по: журн. «Встречи с историей». Вып. 3, 1990, с. 107.

но по титулу рядовых учёных, от возвышающихся над ними хозяев, царьков и настоящих царей. Дикость ситуации усугубляется тем, что для рядового сотрудника практически нет никаких путей освободиться от этой зависимости... Настало время понять, что лидер в той или иной области знаний – это не звание, не должность, это прежде всего нетривиально, нестандартно мыслящий учёный, способный увлечь за собой единомышленников»⁴⁹.

Среди академиков (прежде всего по общественным наукам) преобладали не истинные учёные, а «адаптивные», лояльные и удобные люди. Они должны были быть в то же время и послушными, и управляемыми. Выбирали их в академики обычно, как уже говорилось, при отсутствии у них реальных и важных научных достижений. Задаваться вопросом об их вкладе в науку или практику было неэтично, хотя в документах, подаваемых на прохождение процедуры выборов, расписывались самые фантастические вещи: вклад в теорию международных отношений, открытие особого направления в исследованиях и т.д. А то, что на поверку никакой теории или действительно нового научного направления не было, старались не замечать.

Была в советской экономической науке и просто околонучная шпана, как правило, выходцы из рабочих и крестьян, имевшие чисто прагматические цели. В добрые старые времена таких и близко не подпустили бы к настоящей науке или настоящим учёным. Теперь же они порой стали занимать командные и номенклатурные должности в исследовательских институтах на волне общей большевизации и пролетаризации советского общества. Их немаловажным козырем была анкета, в которой указывалось, что они вышли из среды потомственных рабочих и крестьян. К выходцам же из старых интеллигентских семей относились не только сдержанно, но и с нескрываемым недоверием.

В советские времена в области общественных наук вообще, по существу, не нужны были ищущие настоящие учёные, генераторы новых идей, особенно тех, которые были направлены против заплесневелых догм. Практически вплоть до развала СССР большинство советских экономистов говорили о пользе централизованного планирования, руководящей роли партии и её монополизма в обществе, о преимуществах социализма и, в частности, о том, что социализм имеет своей целью максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей народа. Даже при разработке горбачёвской «концепции ускорения» лучшие советские экономисты того времени исходили из традиционных советских постулатов об административно-командном стимулировании машиностроения и научно-технического прогресса, а не об изменении условий производства, самой модели экономического развития страны.

Именно поэтому советская экономическая наука оказалась не готовой к переходу к рынку, не смогла разработать обоснованную программу экономических реформ в нашей стране, и эта «недостроенность» сохраняется у нас до сих пор. Но принципиально речь должна идти не только об общественных, но и о технических науках. На совести советской науки в области техники много грубых и крупных ошибок. Это и загрязнение Байкала и рек, обмеление Арала, глупые идеи о повороте рек, Чернобыль, наконец. К экспертизе многих научных проектов часто привлекались не истинные учёные, а генералы от науки, онаученные бюрократы.

Уже упоминавшийся В.Селюнин свидетельствует, например, что Институт географии АН СССР разрабатывал сталинский план преобразования природы, обосновывал строительство канала от Арала до Каспия. «Такая, рад бы сказать, наука изобретена не сегодня. Посредством долгих мутаций выведена особая порода учёных. В прилично организованном обществе им не доверили бы торговать котлетами в привокзальном буфете, а у нас они предрешают судьбы обширных регионов. Не тогда ли они зачаты, когда гражданам образно объяснили: мол, интеллигенция мнит себя мозгом народа, в действительности это не мозг, а г...? Не в тот ли год появились они на свет, когда ради ослабления таинственных «околокадетских кругов» из пределов Отечества, как шелудивых псов, выгнали мыслителей, составлявших цвет нации? Не в ту ли пору они мужали, когда интеллектуальную элиту волокли на расправу под улюлюканье толпы? Не они ли, усвоившие и передавшие ученикам новую мораль, ещё вчера отыскивали умопомрачительные глубины мысли в пошлостях вроде той, что экономика должна быть экономной? Не в этой ли цепочке событий истоки, быть может, самого тяжёлого недуга страны – кризиса мысли?»⁵⁰

После взрыва атомного реактора на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г., отмечает В.Селюнин, когда радиация в районе достигла 15 тыс. рентген в час, председатель Госкомгидромета, известный советский физик Ю.Израэль заявил 6 мая на официальной пресс-конференции, будто она составила лишь 0,015 рентгена в час. Это была прямая ложь учёного в

⁴⁹ См. Огонёк, 1989 № 11, с. 12.

⁵⁰ См. журн. «Знамя» № 6, 1990, с. 214, 215.

интересах вышестоящего начальства. Из-за этого погибло ещё несколько тысяч ничего не подозревавших людей.⁵¹

Не грех вспомнить и такие «свершения» строителей коммунизма, как прокладка 50-километрового туннеля, по которому воды реки Арпа потекли в озеро Севан, строительство Туркменского канала, который вскоре был заброшен, и возведение плотины, отделившей от Каспия залив Кара-Богаз-гол, в результате чего весь залив практически высох. Список подобного рода «героических дел» советской науки можно продолжить. Практически в каждой отрасли промышленности в советские времена были десятки НИИ и КБ с сотнями докторов и тысячами кандидатов наук, и эти отрасли производили устаревшую, неконкурентоспособную продукцию. Число учёных, специалистов и управленцев в сельском хозяйстве СССР было намного больше, чем в США, а прокормить свою страну эта отрасль никогда не могла.

В настоящее время многие машиностроительные заводы в России и их КБ стоят, не могут выпускать новую, конкурентоспособную с западной продукцию. Где же наши гении-изобретатели, где современные гении менеджмента, способные использовать рыночные стимулы для нововведений? Значит, полученное Россией наследство СССР в области технических наук не годится сплошь и рядом для новых условий. А вот Япония и затем восточные «молодые тигры» сумели в своё время наладить выпуск отечественной конкурентоспособной продукции и изрядно оттеснить Запад на мировых рынках. Но ведь их научно-технический потенциал гораздо слабее не только нашего советского, но и нынешнего российского. А отдача оказывается выше.

Хотя большинство советских экономистов и приспособлялись к обслуживанию и поддержке СМЭ, тоталитарного режима и его идеологии, это не значит, что всё было плохо.

Необходимо признать, что в целом экономико-математическое направление в советской науке принесло много пользы. Оно позволило решить ряд важных прикладных вопросов развития экономической науки и практики, повысить культуру исследований, создать задел для будущих работ уже в рыночном контексте. Не менее важны результаты исследований таких экономистов-прикладников из Института экономики АН СССР, как Т.С.Хачатуров, С.А.Хейнман, Я.Б.Кваша, В.П.Красовский, Д.М.Палтерович. В научно-исследовательском экономическом институте при Госплане СССР также проводились оригинальные и ценные исследования в сфере таких проблем, как межотраслевой баланс, эффективность капложений, международные сопоставления. Такие известные экономисты, как А.И.Анчишкин, С.С.Шаталин, А.Н.Шохин и др., вышли именно из этого института. В Новосибирске создавалась серьёзная школа исследований в области экономики промышленности и социологии, возглавляемая А.Г.Аганбегяном и Т.И.Заславской.

Вспоминая некоторых видных советских экономистов, нельзя не сказать и о том, что помимо чисто научных вопросов некоторым из них, занимавшим руководящие посты, приходилось не только формировать научный коллектив, но и умело противостоять идеологическому давлению и безграмотному вмешательству вышестоящих партбюро, начиная с райкомов и кончая ЦК КПСС.

Были и почти героические эпизоды. Как свидетельствует академик Н.Федоренко, в 1967 г. в ЦЭМИ АН СССР был составлен прогноз развития народного хозяйства СССР на 70-80 годы под руководством молодого и талантливого учёного Б.Михалевского⁵². Он принципиально расходился с официальными плановыми наметками, партийной пропагандой и утверждениями наших партийных ученых о «светлых перспективах» советской экономики и неизбежном углублении противоречий капитализма и его общего кризиса. В разработке обосновывалась бесперспективность развития ряда отраслей, предсказывался неизбежный спад промышленного производства, падение жизненного уровня населения, снижение эффективности производства и капложений, нарастание международной изоляции СССР и т.д. (Вспомним, что такой же прогноз в 20-х годах перед началом индустриализации в СССР делал В.Базаров). Это был научный прогноз реальной ситуации, который подтвердился жизнью, а не обычный для того времени апологетический продукт послушной партийной науки. Б.Михалевский готов был говорить правду, обсуждать и защищать свои выводы в любой инстанции. Но его работа была просто сначала дезавуирована, а затем и сожжена президентом АН СССР М.Келдышем и директором ЦЭМИ Н.Федоренко, как «антипартийный и антисоветский документик» (слова председателя Госплана СССР Н.Байбакова)⁵³. Возможно, что и скорая трагическая смерть Б.Михалевского во время байдарочного речного похода была не случайной⁵⁴.

⁵¹ Там же, с. 215.

⁵² См. журн. «Россия и современный мир» № 1, 1998, с. 182-206.

⁵³ Там же, с. 184.

⁵⁴ Там же, с. 199.

Также заслуживает глубокого уважения позиция известного советского (ныне российского) социолога академика Т.Заславской, которая в годы брежневского и послепрежневского застоя, работая в Новосибирске, смело выступала с критикой советской экономики. Она и сейчас справедливо требует сделать намного больше, чем уже сделано российскими реформаторами по уходу от советского прошлого. Перечисляя важные, но не сделанные шаги, она пишет: «Так, КПСС не объявлена преступной организацией, не произошло ее покаяния и очищения. Не достигнут необходимый баланс прав и ответственности трех ветвей власти»⁵⁵. Она решительно отмечает какую-либо целесообразность хотя бы частичного возврата в прошлое.

Однако в целом советская экономическая наука не смогла и не захотела создать действительно научную основу для своевременного и радикального изменения СМЭ, перехода к рыночной экономике и становления на путь интенсификации производства с широким использованием имеющегося научно-технического потенциала страны. Более того, социалистические заблуждения советской экономической науки не канули в прошлое и поныне. Многие её представители и сейчас не только занимают ответственные посты в науке, госаппарате и политических движениях России, но и открыто призывают к возврату в прошлое, хотя бы в рыночный социализм, яростно критикуя не всегда удачную деятельность российских реформаторов. Достаточно определенно высказался по этому поводу, например, академик О.Богомолов. Он пишет: «... Перспективна не либеральная рыночная трансформация, порождающая законы джунглей, а социальная. Исследования показали, что в переходный период наибольший эффект способна обеспечить экономика, которую можно было бы назвать рыночным социализмом, или экономикой смешанного типа»⁵⁶.

Тут возникает сразу вопрос: что это за исследования? Мне они не известны (если, конечно, не считать «исследования» таких марксистов, как А.Сергеев и Б.Хорев⁵⁷). Разве не ясно, что все попытки рыночных реформ в бывшем СССР (реформы Хрущёва, Косыгина, Горбачёва) были направлены на формирование экономики «рыночного социализма» (очередной термидор после ленинско-сталинской революции по созданию СМЭ), которые ничего не дали нашей стране? Однако О.Богомолов не одинок. Ему вторит А.Бутенко: «Рыночный социализм – это реальный путь выхода бывших стран «реального социализма» из тупика, обусловленного преждевременным упразднением рынка и возвращения их на путь естественноисторического продвижения к социализму»⁵⁸. Поистине многие советские учёные и до сих пор не могут обойтись без социализма.

Идея полного возврата к социализму, который у нас был и от которого мы отказались, равно как и идея возврата к рыночному социализму, который был в Венгрии, Югославии и Польше, и от которого эти страны тоже отказались, — непродуктивная идея, попытка искусственно совместить несовместимое. Как справедливо отмечает Н.Плискевич, «возвращение иллюзий “рыночного социализма” сегодня представляется особо опасным, тем более, что эти иллюзии живы у достаточно массовых слоев населения. Но у страны просто нет ни времени, ни ресурса прочности для новой попытки соединения несоединимого»⁵⁹.

Но есть и такие учёные, которые просто призывают к возврату нашего прежнего реального социализма.

А.Сергеев убеждён, что «России неизбежно предстоит ещё раз пройти через переходный период от капитализма к социализму. Этот период будет иметь ту особенность, что в стране имеются многочисленные кадры экономистов и управленцев, прошедших школы социалистического хозяйствования... Это создаст возможность его меньшей продолжительности по сравнению с первым переходным периодом...»⁶⁰. Б.Хорев пишет, что «экономика должна быть рассчитана не на человека с деньгами, а на все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов общества, как это было при социализме»⁶¹. В одной из своих последних работ этот автор критикует правительство Е.Примакова и Федеральное собрание Российской Федерации. Он пишет: «Серьёзных крупных шагов в антирыночном направлении ни правительство, ни Федеральное собрание не предпринимают, а, по сути, продолжают «строить капитализм... Неужели не ясно, что прогресс

⁵⁵ Российская экономика на новых путях, № 1, 1997, с. 12.

⁵⁶ Власть. № 11, 1997, с. 6.

⁵⁷ Шансы российской экономики. Изд. Теис, М., 1997, с. 605-645.

⁵⁸ Социально-политический журнал №5, 1997, с. 192.

⁵⁹ Н.Плискевич. Утопизм и прагматизм российского реформаторства. См. в журн.: «Общественные науки и современность» № 1, 1998, с. 25.

⁶⁰ Шансы российской экономики. С. 626.

⁶¹ Там же, с. 637.

состоит в преодолении регресса, то есть в возвращении к ценностям социалистической цивилизации?» Далее он предлагает отменить указ Ельцина о запрете парторганизаций на производстве, имея в виду КПСС, провести деприватизацию и национализацию, ввести монополию внешней торговли, воссоздать Госплан, Госкомцен и Госснаб. И заключает: «Сейчас только восстановление советской власти спасёт народы СССР»⁶².

Не менее консервативна и позиция учёных-неэкономистов из Сибирского отделения РАН: «Вместо того, чтобы повести за собой всё общество в проведении демократических реформ, наполнить реальным практическим смыслом и заставить работать демократическую формулу “Вся власть Советам!”, государство и политическое руководство стали заложниками силовой конфронтационной идеологии и отживших своё неолиберальных концепций. Разрушив старую властную вертикаль, которая пользовалась доверием широких масс, но нуждалась в демократической модернизации, реформаторы второй волны оказались неспособными заменить её новой, более эффективной»⁶³.

Экономисты-математики порой также близки этой ретроградской позиции. Так, академик Ю.Ярёмченко считает, что в процессе нынешнего реформирования российской экономики «надо было, конечно, отправляться от той системы, какая была, устрояя ее деформирующие элементы... А уж потом или одновременно с этим, когда мы создали бы некую рациональную плановую систему, можно было бы в этой системе развивать какие-то механизмы самодействия. Это был бы некий эволюционный путь... Необходимо рационально понять, что, не восстановив некоторых старых институтов, адекватных существенным характеристикам нашей экономики, наше хозяйство, как некий единый экономический организм, просто не выживет... В такой экономике полноценного денежного хозяйства быть не может»⁶⁴.

Ю.В.Ярёмченко говорит о прошлом (о советской экономике, её недостатках и провалах) и о настоящем (трудных проблемах трансформации, решение которых он видит на путях усиления государственного воздействия на экономику – «что-то вроде Госплана должно существовать»)⁶⁵. Главную причину краха советской экономики он видит в непомерном бремени военных расходов и всего военно-промышленного комплекса страны. Он пишет: «Мы пытались бросить вызов всему миру и прежде всего развитым странам. Нас подвели амбиции, сформировавшиеся после второй мировой войны и в последующие два десятилетия. Атомная бомба и ракеты очень подогрели эти наши амбиции. Мы попытались бросить технологический, милитаристский вызов всему миру, и мы его проиграли. Мы проиграли холодную войну в самом буквальном смысле этого слова. Развязав гонку вооружений, мы уже не смогли из неё выйти»⁶⁶.

Когда я работал в 1986-1990 гг. в аналитическом отделе Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН в Женеве, мне приходилось часто обсуждать вопрос о влиянии ВПК на советскую экономику с моими коллегами по работе и приезжавшими в Женеву известными западными экономистами. Такую же точку зрения, помню, высказывал мне известный американский советолог Ван Брабант, затем И.Бирман и др. Уже тогда я выражал сомнение по этому поводу. И не потому, что всё это неправильно, а потому, что это всё же не главное. Главное – в неудачном выборе И.Сталиным нерыночной командно-административной экономической модели развития, не содержащей в себе мотивационного механизма к НТП (склонность к нововведениям) и опирающейся на внеэкономическое принуждение (сверхцентрализованное управление и планирование).⁶⁷ Именно здесь, а не в ВПК, источник всего ресурсорасточительства, технократического и управленческого фанатизма, а также социальной деградации советского общества. Именно здесь источник закачки в советскую экономику таких ресурсов труда, сырья, капложений, основных фондов, земли и т.д., которых в расчёте на единицу ВНП не знала и не знает ни одна страна с рыночной экономикой.

Военные амбиции СССР после второй мировой войны были тесно связаны и с марксистско-ленинской идеологией, теорией мировой революции, с надеждами на помощь СССР в великом деле революционного (то бишь социалистического) преобразования всего мира коммунистическому движению в развитых и национально-освободительному движению в развивающихся странах. Что же касается оценки нынешней российской экономики и

⁶² Экономическая газета № 45, 1998.

⁶³ В.Коптюг, В.Матросов, В.Левашов, Ю.Деменко. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. Владивосток, 1997, с. 40.

⁶⁴ Российский экономический журнал, № 1, 1998, с. 104, 105.

⁶⁵ Там же, с. 104.

⁶⁶ Там же, с. 100.

⁶⁷ Напомню, что в западной советологии эта модель получила название «классической сталинистской» модели.

предложений по её совершенствованию, то это особый вопрос, неразрывно связанный с предыдущим. Ю.Ярёменко полагает, что «прежде всего нужны были некие политические изменения, перегруппировка целевых установок, изменение в распределении ресурсов, структурная перестройка, оздоровление самого планового механизма, развитие наряду с плановым и внутри него некоторых отношений самоорганизации, самодействия, эквивалентности обмена, инициативы и т.д.»⁶⁸.

В статье под характерным названием «Юрий Ярёменко считал, что советскую экономику спасли бы не рыночные реформы», его ближайший коллега С.Белановский утверждал, что академик считал рыночные реформы, начавшиеся в нашей стране после 1992 г., «экономическим бедствием» и призывал к «закрытию экономических границ, т.е. автаркии», к «установлению полного государственного контроля над ТЭКом и сохранению низких внутренних цен на энергоносители». По свидетельству Белановского, Ю.Ярёменко был сторонником «плановых преобразований» советской экономики и не принимал рыночного пути для неё, полагая, что последний «навязан стране мировым сообществом (бывшими противниками по холодной войне) и коррумпированной правящей верхушкой, в первую очередь – нефтегазовым лобби». К работающим в его институте «рыночникам» академик не всегда относился терпимо⁶⁹.

Другой наш экономист-математик, В.Волконский, видит важную особенность России в «невозможности товарного производства вообще»⁷⁰. Такая позиция имеет свои корни в раннем российском народничестве, и она была опрокинута всей историей старой России. Ликвидировали товарное производство в России большевики, заменив его планом и решениями партии и правительства. К созданию «сильного государства» и к возврату к государственной экономике с адресным командным планированием и призывает этот автор⁷¹. Он считает, что сильная государственная власть, командная система управления всего и всем, включая экономику, это не только национальная особенность, но и панацея в решении чуть ли не всех проблем российского общества. Он пишет: «Можно с уверенностью говорить, что в российской цивилизации, в отличие от западной, явно “больше социализма”»...⁷² Поразительны и следующие слова этого автора: «Несмотря на все дефекты модели реального социализма в СССР, которые привели в конце концов к его разрушению, непреходящее значение этого опыта состоит в том, что он показал принципиальную возможность подчинить экономическую деятельность контролю и руководству со стороны государства во имя раскрытия способностей большинства»⁷³.

Итак, согласно мнению многих наших экономистов, России не нужна смешанная рыночная экономика с конкуренцией и развитым предпринимательством. Всё это чуждо нам и навязано извне. О частной собственности речь не идет, зато нужны Госплан и централизованное планирование. Ещё один шаг и мы вернёмся к ЦК КПСС, к ЧК, к Ф.Держинскому и т.д. Убежден: такая «наука» не отвечает современным представлениям и требованиям, она не может быть востребована жизнью, и обижаться на это не приходится. Но это еще не все.

Группа академиков-экономистов (Л.Абалкин, О.Богомолов, Н.Петраков, Ю.Ярёменко) ещё в 1994 году выступила против существующей ситуации на российском рынке и предложила нечто очень знакомое: чтобы государство разработало «общие правила ценообразования и утвердило соответствующие нормативные акты, касающиеся единого для всех хозяйственных субъектов порядка исчисления издержек производства, уровня рентабельности, распределения прибыли в соответствии с принятыми налоговыми правилами и ставками»⁷⁴. И далее говорилось о необходимости «управления движением цен», государственной поддержке колхозов и совхозов, установлении государственной закупочной цены⁷⁵. В 1998 г. в дни тяжёлого финансового кризиса в России наши экономисты-академики выступили с популистской программой частичного восстановления «социалистических ценностей» и представили её в правительство Е.М.Примакова с явной надеждой на то, что он ее поддержит. Но не получилось...

Не следует забывать, что в недалёком прошлом советские номенклатурные обществоведы старательно прислуживали советским властям, многие институты были своего рода продолжением

⁶⁸ Российский экономический журнал № 1, 1998, с. 104.

⁶⁹ См. «Сегодня», 20 сентября 1996.

⁷⁰ В.Волконский. Либерализм, социализм, патриотизм. М., Диалог-МГУ, 1997, с. 15.

⁷¹ Там же, с. 16.

⁷² Там же, с. 16.

⁷³ Там же, с. 42.

⁷⁴ См. Л.Абалкин. В тисках кризиса. М., 1994, с. 253.

⁷⁵ Там же, с. 257, 258

ЦК КПСС, т.к. постоянно выполняли идущие оттуда поручения. А теперь они присоединились к левой оппозиции.

Но наиболее яростное «обоснование» необходимости возврата к прошлому высказал недавно академик Академии экономических наук и предпринимательской деятельности России (АЭНПДР) В.Симчера. В социализме, созданном в нашей стране, он видит «орудие позитивного созидательного строительства», Сталина характеризует как деятеля, который возглавил движение по «использованию идей коммунизма (1932 г.) в интересах возрождения нашей страны, воссоздания мощного и независимого государства»⁷⁶. В своей книге, написанной в соавторстве с В.Жириновским, он призывает «вновь вернуться к планированию», приостановить приватизацию и вернуть стратегически важные отрасли народного хозяйства в собственность государства, прекратить насильственную ломку вертикальных структур в сельском хозяйстве, ориентацию на мировые цены, изменить характер внешнеэкономических связей, опираться во внутренней политике на национализм и т.д.⁷⁷

Настоящему учёному, экономисту-рыночнику все это вряд ли может присниться даже в страшном сне, но приходится признать, что инерция старого мышления и советского «воспитания» живет и ещё сильна. Правда состоит в том, что не только отдельные советские экономисты, но и целые исследовательские коллективы и организации, увы, ещё и сейчас подпитывают своими идеями оппозицию нынешним реформам – КПрФ, ЛДПР и иные коммуно-националистические течения. К сожалению, ещё никто не подсчитал гигантские потери страны от оппозиции, от инерции просоветских настроений и «ценностей», от советской экономической науки, которая и до сих пор питает идеями реваншистские силы в стране.

И что же предлагают В.Жириновский и В.Симчера, чтобы остановить наше сегодняшнее «движение к пропасти», как они говорят? Возврат к казарменному режиму, к государственной плановой экономике. В частности, они предлагают командно-административным путём установить норму накопления в 30-40%, поднять нормативы амортизационных отчислений и выбытия основных фондов, повысить темпы роста прогрессивных отраслей, запретить старые технологии, создать государственные службы по внедрению новой техники, восстановить старые экономические связи, укрупнить производственные предприятия и комплексы, «повсеместно ликвидировать повременную оплату труда», принять твердые меры «по мобилизации трудовых ресурсов и их концентрации на решающих направлениях»⁷⁸. Можно не продолжать. Ясно, куда нас зовут нынешние противники рыночных экономических реформ. Они, как не трудно увидеть, повторяют тезисы не только Сталина, но и Троцкого. Им не нужны политическая демократия, рыночный механизм, эффективная экономика. Им нужен возврат к диктатуре своей партии, к централизованному планированию, к господству государственной собственности, к старым порядкам, «сознательному применению экономических законов социализма». Ради этого они и спекулируют на реальных трудностях российской экономической трансформации.

Всё сказанное не только свидетельствует об удивительных заблуждениях многих советских экономистов, но и о полной оторванности советской экономической науки от мировой. Недаром среди советских экономистов почти нет имен, сравнимых по своим масштабам, авторитету и влиянию с известными мировыми именами, в частности, из учёных – выходцев из таких постсоциалистических стран, как Венгрия и Польша. Советские учёные, оставшиеся на своих постах после 1992 г., в большинстве своём не выдержали проверки реформами и рынком. Для многих из них реальные рыночные реформы – это беда.

⁷⁶ ЭПОС, № 2, 1997, с. 4.

⁷⁷ В.Жириновский, В.Симчера. Обречена ли экономика современной России? М.,1998, с. 4, 5, 6, 8, 25.

⁷⁸ Там же, с. 88, 90, 91, 94, 95, 96.